

— ...следовательно, портрет гораздо совершеннее зачарованного долборла, даже если остальные факультеты не реализуют его потенциал, — заканчиваю я с удовлетворением. Почти всё время, пока мы шли к слизеринской гостиной, я описывал мой разговор с умозаключениями из него и предыдущих наблюдений о преимуществах и недостатках двух методов защиты входа. Луна склоняет голову набок, не глядя на меня.

— Хм, да, я понимаю твою точку зрения, — тут её синевато-серые глаза округляются, и теперь она смотрит на меня просительно. — Только, пожалуйста, не проболтайся Фреду, что я тебе такое сказала.

— Что с ним не так? — опять эта девушка ставит меня в тупик. — А Джорджу можно?

— Да нет, речь не о Фреде Уизли? — выговаривает она мне, как ребёнку. — Я имею в виду ФРЕД — Фантастический Равенкловский Единственный Дверостук.

— Это его имя?

— Не знаю, — своеобразное лёгкое движение головой — аналог пожатия плечами. — Ей, по видимому, всё равно, что я её так называю. Она вообще не отзывается на имя.

— О, — я замалчиваю её допущение о женской природе кольцорла, вопреки мужскому голосу и по-мужски звучащему ею же данному имени.

— Что это такое? — вопрос почти неразличим в злобно визжащем женском голосе с большого портрета. Перед нами гордо стоит элегантно одетая женщина с широкой белой прядью посреди плотно уложенных тёмных волос и рассматривает нас поверх носа. — Ни одного слизеринца среди вас?

— Примите мои глубочайшие извинения, миледи, — я слегка кланяюсь. — Имеется ли у вас возможность передать послание кому-либо внутри?

— Не для таких как ты, гриффиндорец, — презрительно усмехается она.

— Великолепно, мне придётся составлять вам компанию, пока не пройдёт кто-либо из ваших студентов, — криво улыбаюсь я ей. — Надеюсь, это не займёт много времени. Ради вашего блага, разумеется. Я же, с другой стороны, совершенно не против провести время в обществе такой красоты и изящества.

Если бы она была настоящей, то пришлось бы по-настоящему прятаться от её обострившегося взгляда.

— Что может ребёнок знать о таких вещах?

Напускаю на себя улыбку побезнравственной и добавляю в голос проникновенности.

— Если бы вы были материальной, я бы показал вам. Такая женщина, как вы, вполне смогла бы достичь двадцатого шага.

На её лице просто не успевает отразиться потрясение, как портрет открывается, явив нам незнакомого студента постарше нас. Тот молча начинает пялиться на меня. Просто здорово.

— Здравствуйте, сэр. Мне хотелось бы поговорить с мистером Забини с вашего позволения, — изгаляюсь я в официальности, а эта зараза даже глазом не моргает. — Видите ли, я прислуживаю его отцу. Ели бы вы сказали, что гриффиндорец-озеленитель его отца желает поговорить с ним, я был бы вам чрезвычайно признателен.

Без слов он захлопывает за собой портрет, который сразу же начинает орать на меня. Ещё до окончания первого периода угроз моей жизни, я вызываю чары уединения, и весь внешний шум расплывается в жужжание.

— Зачем ты попросил позвать Забини? — сбит с толку Невилл.

Ухмыляюсь перед ответом, но тут замечаю, как наши спутницы нервно оглядываются в поисках источника белого шума.

— Простите меня, леди. Это мои чары уединения жужжат... А то старая крыса вон там собирается довести меня до мигрени, — тыкаю я пальцем через плечо. — Отвечая на твой вопрос, Невилл. Я не вообще не просил прийти мистера Забини. Блейз передаст моё послание соответствующей стороне.

— Умно, — говорит Луна.

— К слизеринцам в гости ходить — по-слизерински выть. Или по-змеиному.

— А что ты такого сказал, чтобы рассердить женщину? — спрашивает Лаванда.

— Уильям намекал, что применит к ней какой-то тип сексуальной техники как способ восхищения её красотой и изяществом — всё ещё улыбается Луна. — В этой технике не менее двадцати шагов, очевидно.

— Тридцать семь шагов к женскому экстазу, если быть точным, — наслаждаюсь я повальным румянцем передо мной. Даже Луна слегка краснеет. — Очень мало женщин выдерживают путь до двадцатого шага.

— Откуда ты?.. — спрашивает Лаванда.

— Ну что вы, мисс Браун, джентльмен не рассказывает кого целует, — плавно подхватываю я. Портрет поворачивается, и из открытой двери выходят Дафна, Блейз и Трейси. — Кстати о поцелуях... — Я отменяю чары уединения.

— ...здесь делаешь, Лернер? — заканчивает Блейз.

— Мои извинения, мистер Забини, — отвечаю я с примирительным поклоном. — Надеюсь, что моя просьба не доставила вам чрезмерного неудобства.

Дафна закатывает глаза на мою зашкаливающую формальность, а Блейз насмехается.

— Он не распознал тебя без Поттера рядом.

— Со мной всё будет в норме, Блейз, Трейси. Вы можете идти, — очень недвусмысленно высказывается Дафна.

После игры в гляделки Блейз сдаётся и уходит. А Трейси остаётся.

— Тебе не стоит... — начинает Дафна, но я перебиваю её.

— Всё в порядке, если она останется. Я собирался тебе сказать, что благодаря присутствующему здесь замечательному джентльмену, — я хлопаю Невилла по плечу, — у меня уже пару часов как есть праздничная одежда.

— У меня уже есть сопровождающий, — бросает она на меня нечитаемый взгляд.

— Мои поздравления! Конечно, другого я и не ожидал. Когда ты почти публично отвергла моё предыдущее приглашение, если мне не изменяет память. — Не обращаю внимания на оханья за спиной. — Как это тебе ни покажется удивительным, я интересуюсь, что возможно одна заслуживающая особого внимания молодая леди остаётся здесь на праздники и всё ещё доступна для приглашения. Думаю, ты её знаешь. У неё чудесное имя — Астория.

— Нет! — восклицает Дафна, а взгляд становится угрожающим.

— У неё уже назначено свидание?

— Нет.

— В таком случае, она отправляется домой?

— Нет.

— Могу я поговорить с ней?

— Нет.

— Я буду относиться к ней как к собственной сестре, — пытаюсь растопить лёд её глаз. Она меряется со мной взглядом, сжав губы почти до невидимости на несколько долгих мгновений.

— Ты не втянешь её в...

— Нет, — упорно играем в гляделки. — Не втяну.

— Ответ всё равно “нет”, — наконец она отводит взгляд и смотрит вниз.

— Ты уже закончила решать её будущее за неё? — мягко спрашиваю я.

Взгляд её вспыхивает, когда её слова оборачиваются против неё самой.

— Позволь мне поговорить с ней, — говорю я ещё тише. — Она уже полтора года в Слизерине, не так ли? Скажи ей, что я магглорожденный гриффиндорец, а потом посмотрим, куда разговор повернёт.

Её глаза опять принимаются буравить мои.

— Даф... — говорит Трейси.

— Отлично, — внезапно говорит Дафна и резко разворачивается, пока Трейси не останавливает её.

— погоди, я приведу её, — Трейси исчезает за портретом, а Дафна медленно поворачивается обратно.

— Как ты узнал про мою сестру?

Я ухмыляюсь, она вздыхает, и её наконец отпускает то напряжение, в котором она находилась всё время после выхода из портрета.

— Ну конечно.

— Ты же не думаешь, что я собираюсь втягивать её в неприятности? Если она согласится пойти со мной, — слегка хмурюсь от мысли.

Я опять не могу разгадать выражение лица по ответному взгляду.

— Может, сначала и нет. Ничего такого, с чем она не сможет справиться. — Она замолкает и снова сжимает губы, но в этот раз явно колеблясь. — Кстати, четверокурсники до сих пор потрясены тем, что ты рассказал Драко, когда мы тебя поймали в одиночку.

— Ты и вправду? — краем глаза замечаю, как у Парвати глаза лезут на лоб. Ухмыляюсь ей.

— Ты ей рассказал? — опять сердится Дафна.

— Она не знает содержание разговора, — отмахиваюсь я от вопроса. — Только про сам факт, да и то потому, что Гермиона предупредила меня не конфликтовать с вами, ребята, в этот раз. Она и Гарри — единственные из наших, кто полностью в курсе случившегося, да и то потому, что всё уже знали. — Смотрю ей в глаза, чтобы она имела возможность, если таковая у неё имеется, понять что я говорю правду. И она слегка кивает в ответ. — У них ожидается продолжение самокопания?

Она фыркает и отводит взгляд, очевидно удовлетворённая моей правдивостью.

— Вряд ли. Хотя Драко молчит, как проклятый, так что его миньоны в расстройстве.

— Отрадно слышать, что мистер Малфой не так туп, как считает остальная школа.

— Для истинного гриффиндорца признать такое — святотатство.

— Всего лишь клише, стереотип. Он же диктует, что единственный доступный для нас разговор возможен на ублюдочной латыни под танец пары деревяшек между нами.

— Не возражаю против такого разговора с тобой когда-нибудь, — ей очень к лицу даже хищная гримаска.

— Ты так добра, — возвращаю ей ухмылку. — Только вот ведь незадача — ты мне задницу надерёшь.

— Молодец, что помнишь.

— А он использовал на тебе тридцать семь шагов? — ляпает Лаванда.

— Что? — удивлена Дафна.

— Покажу позже, — говорю ей, и бросаю предостерегающий взгляд назад.

Трейси появляется из двери, а за ней по пятам идёт мелкая версия Дафны. У неё более тёмные, почти фиолетовые глаза, но у них та же форма и выставленное напоказ настороженное выражение. В облике присутствует лёгкая, ещё детская припухлость, от которой Дафна, очевидно, уже избавилась.

— Даф, что происходит?

— Мой друг Уильям здесь хочет тебя кое о чём попросить, — поворачивается старшая сестра к младшей. А у младшей округляются глаза, как только она видит мою одежду.

— Твой друг — гриффиндорец?

Я наклоняюсь к ней и прикрываю рот ладонью, как будто разглашаю ей тайну.

— К тому магглорожденный, только не говори никому. — Потом я распрямляюсь и говорю громче, протягивая ей руку. — Уильям Лернер, для меня большое удовольствие познакомиться с вами.

Она нерешительно пожимает мою руку, переводя взгляд с Дафны на меня и обратно, а потом на остальных людей вокруг.

— Что происходит? — с лёгким беспокойством спрашивает она.

— Ну, я только что выиграл пари, как видишь, — улыбаюсь я дружелюбно. — Мой добрый друг Невилл не верил мне, когда я сказал, что обе красивейшие девушки нашей школы учатся на Слизерине.

— Лернер, — угрожающе рычит Дафна, но пунцовые щёчки разрушают впечатление.

— Это правда, — настаиваю я, подняв руки вверх. — Он говорил, что хотя ты и сестра Дафне, но вряд ли сможешь сравниться с частичной вейлой — чемпионкой турнира. Пусть даже мисс Делакур и далеко на втором месте от Дафны. А я говорю хочешь поспорить? А он говорит — спорим! А я говорю...

— Не заставляй меня переменить мнение, Лернер, — предупреждает Дафна.

— Не волнуйтесь, младшая мисс Гринграсс, — говорю заговорщицки, прикрывая рот, чтобы приглушить театральный шёпот. — Она просто расстроена, что мы можем переоценить — кто же сейчас на самом деле номер первый. — Раздурманившаяся Астория явно пытается скрыть душащий её смех.

Дафна вытаскивает палочку и направляет её мне в лицо.

— Окей-окей, — сдаюсь я со смехом. — Что я на самом деле хочу спросить, мисс Гринграсс, окажете ли вы мне честь... а-а... позволите ли вы мне величайшее удовольствие сопроводить вас на святочный бал? — закатившая глаза Дафна наверняка считает, что моё приглашение слишком... намеренно слишком.

Астория от удивления даже открывает рот и мило румянится. Выглядит очень симпатично — сдержанность, как у её старшей сестры, не портит впечатление. Астория взглядом спрашивает сестру, и та, тяжело вздохнув, убирает палочку.

— Решать тебе. Каким-то образом он произвёл хорошее впечатление на отца, поэтому он возражать не будет.

— Ты понравился моему папе? Магглорожденный гриффиндорец? — недоверчиво спрашивает она. — Каким образом ты вообще...

— Наверняка магия. Итак, что ты ответишь?

— Я-я не знаю, — сглатывает она.

— О, мисс Гринграсс, ну вот и в вас тот дар безжалостный сестры мне сердце рвать напополам проснулся! Что стоит мне...

— Силенцио! — белый луч срывается с палочки Дафны и попадает мне в горло, прерывая монолог. Отменяю заклинание и смеюсь.

— Ты бяка, Дафна. Фу-ты ну-ты, ну почему парню нельзя постенать погорестней от разбитого сердца? — Тут замечаю, что все пялятся на меня. — Что такое?

— Ты... ты не можешь говорить! — запинается Лаванда.

— Упс! Звиняйте, я сейчас верну. — Я применяю к себе чары немоты, а потом артикулирую: — Так лучше?

— Он всегда такой странный? — прыскает Астория.

— Нет, обычно хуже, — улыбаясь, отрицательно крутит головой Дафна.

— Хорошо, я пойду с тобой, Уильям, — под собственный смех говорит мне Астория.

Я расцветаю, а потом подхватываю её и кружу. И тут же проделываю то же самое с Дафной, пользуясь ошеломлением последней.

— Ступефай!

Моё следующее сознательное ощущение — я лежу на холодном полу подземелья лицом вниз.

Пробую сказать “Ой!”, но заклятье немоты с меня ещё не снято. Снимаю и говорю:

— Ой! Честное слово, Дафна, тебе что, жаль было смягчающие чары применить?

— Я же говорил! — смеётся, обращаясь к кому-то Невилл.

— Это же Уильям. Естественно, он не сердится, — растолковывает Луна как что-то самоочевидное. Сажусь и обнаруживаю исчезновение Дафны, а вот остальные рассматривают меня с озабоченностью, даже Трейси с Асторией.

— Ты уверен, что в порядке? — обеспокоенно спрашивает Астория.

— Лицо слегка побаливает, и голова трещать будет, — я рукой разрабатываю челюсть. — Но в остальном я в норме.

— Думаю, в этот раз ты её по-настоящему рассердил, — вежливо замечает Невилл.

— Думаешь? — смеюсь. — Я от этого получил нормальную крепкую обнимашку, так что оно того стоило. Правда, недооценил я её, думал, что ухитрюсь поцеловать в щёчку до оглушалки.

— Ты сумасшедший, — качает головой Трейси.

— Симпатично сумасшедший, — возражаю я, всё ещё потирая челюсть.

— Нет. Ты действительно сдвинутый. Дафна никогда никого из Хогвартса не обнимала. Она вообще никого не обнимала уже пару лет. И это была я, когда мой... ладно, неважно. Она опрометью убежала ещё до того, как ты упал.

— Надеюсь, что это хорошо, — из-за всё ещё болезненной челюсти приходится говорить медленно. — Значит ли это, что мы всё ещё идём на бал, мисс Гринграсс?

— Да, Уильям, — улыбается и кивает она, — и зови меня Асторией, пожалуйста.

— Спасибо, Астория. Дафна как, не попробует запретить тебе пойти со мной?

— Не волнуйся. Она поймёт, что неправа, или уже почувствовала, и теперь страдает, —

немного нервно оглядывается в сторону гостиной Астория. — Ей всё равно меня не остановить... Ты только не разболтай, что я так говорила, ладно?

— Хорошо, пусть будет наш маленький секрет. Было очень приятно познакомиться с тобой, Астория, — с помощью Невилла я встаю и подаю ей руку. — И спасибо, что пришли, мисс Дэвис. Скажи Дафне, что я извиняюсь за внезапность порыва. В следующий раз обязательно сначала спрошу.

— Тебе нравится моя сестра? — хихикает Астория.

— О да, она весьма... сношибательна, — ухмыляюсь я в ответ.

— Да уж, смотрелось всё... улётно, — открыто смеётся Астория.

— О, как приятно встретить ценителя изящного искусства словесной игры, сильнее чем оазис среди пустыни, — преувеличенно вздыхаю я. — До встречи, Астория, мисс Дэвис, — взмахом руки прощаюсь и ухожу.

Целую минуту все молчат, пока мы идём обратно.

— Что это было? — спрашивает Невилл, открывая путь лавине.

— Я в полном недоумении — какие вопросы задавать, чтобы что-то стало ясно, — вносит лепту Парвати.

— Я добыл партнёршу на бал, — подсказываю девушкам.

— Да-да. А ещё за последний час у тебя была познавательная дискуссия с дверным кольцом, ты заболтал старую леди на портрете в Слизеринскую гостиную, заявил, что ослепительная красавица вейла всего лишь третья среди наиболее привлекательных женщин в этом замке, без палочки снял чары немоты с себя, а потом наложил их обратно, был вырублен сестрой партнёрши, превратил это в шутку и ушёл улыбаясь. — Падме приходится глубоко передохнуть после тирады.

— Вдобавок угрожал редуктором дверному кольцу, как раз перед вашим выходом, — добавляет Парвати.

— А ещё сказал, что собирается показать тридцать семь шагов старшей сестре приглашённой, — это уже Лаванда затрагивает самую волнующую её тему.

— В таком изложении впечатляет. Час получился продуктивным.

— Плохо, что она согласилась, Уильям, — Луна игриво склоняет голову. — Мне очень хотелось посмотреть, что случилось бы во время твоего похода к подземельям Хафллафа.

* * *

— Астория Гринграсс, Уильям!? Ты о чём вообще думал и что с твоим лицом!? — издаёт вопль Гермиона, встретив нас почти наверху лестницы в общую гостиную. Гарри предусмотрительно занял позицию сзади, безуспешно стараясь скрыть улыбку.

— О, привет, Гермиона, — скрываю я болезненную гримасу за кривой улыбкой. — Мне тоже приятно видеть тебя, — говорю и замечаю, что чары уединения уже вокруг нас.

— А как ты узнала про Асторию? — удивлённо вопрошает Парвати.

Гермиона краснеет, тушуетя, что-то мекает и бормочет, взглядом прося меня о помощи.

— Очевидно, что она догадалась. Даже не пробуй отпираться, ведь я знаю, что ты знаешь о некоторых моих хитроумных намерениях.

— Ум... Точно...

— Он пробовал тридцать семь шагов на тебе? — кто о чём, а Лаванда о наболевшем.

— Ты о чём? — уже смущённая Гермиона окончательно сбита с толку.

— Я тебе позже покажу, — говорю всё с той же ухмылкой. Лаванда вспыхивает и, издав придушенный писк, убегает в гостиную.

— Чем в точности ты занимался, Уильям? — градус подозрительности в тоне и взгляде Гермионы резко скачет вверх.

— Это была весьма продуктивная пара часов, — невозмутимо выдаю я под насмешливое фырканье Невилла и Парвати.

— Хоть тут и нет Падмы, которая бы в точности воспроизвела всё случившееся, но я попробую, — предлагает Парвати и при помощи Невилла выдаёт замечательное описание нашего путешествия по замку.

— Ты портрету сделал что? — ошеломлённо говорит Гермиона.

— Да ничего я не сделал, — поднимаю руки, сдаваясь ей на милость. — Я просто предложил, да и то — не всерьёз.

— Ладно, — позволяет она мне соскользнуть с этого крючка. — Тогда почему ты позволил Дафне оглушить себя?

— Я ей не позволял! Она напала со спины!

— Почему ты повернулся к ней спиной? — Гермиона иногда напоминает мне воспитательницу детского сада своими манерами, да и поза у неё соответствующая. Я ей подыгрываю, надув губы и ковыряя носком пол.

— Хотел ещё и с другими пообниматься.

— Уильям!

— Что? Возник такой эмоционально яркий момент! Я был практически уверен, что мне удастся тихой сапой за один раз обнять мисс Патил вместе с сестрой. — Я тогда так не думал, но теперь, после всего случившегося, ругаю себя за упущенный шанс. Надо было хватать их сразу после Астории.

Гермиона возмущена, но моя надутость всё равно лопаётся от смеха Парвати.

— Ты безнадежен, Уильям, — говорит Гермиона в своей обычной манере из смеси недовольства и смирения.

— Ты что, исчерпала формулировки наездов? Эта уже была.

— Её правдивость от этого не меняется!

И тут Парвати застаёт меня врасплох, на секунду прижав к себе.

— Ладно, теперь тебе не надо делать это исподтишка со мной. Спасибо тебе за... занятный вечерок. Пожалуйста, зови меня Парвати. — Она сочувственно улыбается Гермионе. — Теперь я понимаю, какое “чудо” на вас с Гарри свалилось.

— Спасибо, Парвати, за компанию. Может ещё разок как-нибудь, без насилия?

— Не знаю, — смеётся она, — смогу ли я ещё раз вытерпеть твой особый вид сумасшествия? До

встречи, Уильям.

— Если это всё плата за времяпрепровождение с вами, я вот тоже не уверен в собственной выдержке, — ухмыляется Невилл. — Пойду, дух переведу. Всем пока.

Гермиона прощается с Невиллом и оборачивается ко мне с непонятным выражением лица.

— Впечатление на них ты точно произвёл.

— Ну да, ты же меня знаешь. Разве что слегка переиграл, — пожимаю я плечами.

— Вот-вот, удивляться нечему. Мне как, сильно бояться разъяснений про тридцать семь шагов?

— Возможно, — безуспешная попытка скрыть ухмылку. Но видя, как она криво сжимает губы, а взгляд темнеет, вся моя весёлость испаряется. — Гермиона, ты же знаешь, как на меня действует такое вот выражение лица.

— Уильям, — жалобно говорит она. — Будь серьёзнее.

Серьёзнее, так серьёзнее. Сажусь у её ног и некоторое время молчу.

— Гермиона, прости меня, пожалуйста, за доставленное тебе беспокойство.

— Но почему Астория Гринграсс? — смягчает она тон и садится рядом на ступеньку.

— Помнишь, — делаю я глубокий вдох, — я тебе говорил, как Драко со своей бандой наткнулись на меня одного? Дафна поделилась, как весь четвёртый курс буквально обалдел от моего рассказа. Драко почти перестал разговаривать. Пусть кажется смешно, но, Гермиона, а что, если сработает? Я готов получать оглушалку в упор каждый день даже за призрачный шанс, что это поможет.

— Бред. Быть такого не может. Она что, правда так сказала? — Гарри не скрывает скепсиса.

— Да, так и сказала.

— А что, если в следующий раз будет не оглушалка? — как всегда беспокоится Гермиона. — Поберегись, Уильям! Это... не стоит, если ты получишь травму или... или...

— Не волнуйся, — покрепче прижимаю её к себе. — Я не храбрец, как ты или Гарри, — мрачно ухмыляюсь. — При настоящей опасности я скорее всего сбегу, если не замру от страха на месте. Как-то так, если ты или Гарри не будете в беде.

— Распределяющая шляпа не определила бы тебя в Гриффиндор, если бы в тебе не было смелости, — говорит Гермиона, всё ещё крепко прижимаясь ко мне.

— Она сказала Равенкло. Я уболтал её на Гриффиндор — рядом с тобой и Гарри.

Она отстраняется и поражённо смотрит на меня. Я буквально чувствую беспорядочное метание мыслей у неё в голове.

— Ну конечно! Ты знал... ты знал всё, что случилось с Гарри. Ты просто притворялся, что не знаешь ничего про сортировочную шляпу, когда спрашивал меня о её работе в поезде!

— Прости меня за это, — я смущённо улыбаюсь. Потом улыбка пропадает и я отвожу взгляд. — Естественно, я знал про вас ещё при первой встрече, лишь притворялся, что не знаю.

— Болван! — подтверждает она это утверждение тычком прямо в почку. — Ты меня сбил с панталыку, чтобы я в тебя влюбилась.

Пусть она говорит не всерьёз, но мне всё равно больно.

— Каюсь... Но это не было частью плана.

— Ерунда всё теперь, — она на мгновение прижимается она ко мне. — Я не в обиде. Что за план, кстати?

— План А был вернуться домой, но он сразу потерпел фиаско. — Вспоминаю свои безуспешные попытки пройти через барьер назад перед отправлением поезда. — План Б — помочь Гарри, и я пошёл искать вас.

— Ты говорил, что не мог оставить нас одних, зная — кому противостоит Гарри. А оказывается, ты мог пойти на Равенкло и отсидеться в сторонке, — воскрешает она события. — Это храбрость, Уильям, явная и настоящая.

— Вполне возможно, но на самом деле я осторожен, Гермиона, — мне удаётся вернуться в колею. — Я был среди друзей и не искал неприятностей. Даже Дафна представила меня как своего друга сестре. Неприятности ищут Гарри, а не меня.

— Будь и дальше осторожным, — она прижимает меня к себе одной рукой при полной взаимности с моей стороны.

— Ох, я не знаю, — Гарри плюхается на ступеньку с другого бока Гермионы. — Приятно, что есть кто-то, на кого всё время вместо меня возмущается Гермиона.

— Дурак, — говорит она без всякой убеждённости в голосе да ещё и обхватывает его за плечи другой рукой. — А Дафна действительно сказала, что ты её друг?

— Да, перед Трейси и остальными, кто со мной пришёл.

Гермиона качает головой.

— Ты же знаешь, что я люблю только тебя, — кладу свою голову на её, слегка тыкаясь носом.

— Это пока, — она игриво сталкивает меня “с седла”. — Ты сам знаешь, что я не могу соревноваться с большинством встреченных тобой сегодня девушек.

— Может быть это верное утверждение, хотя более точно надо бы сказать, что это они не могут сравниться с тобой, — слегка подталкиваю её локтем.

Привычно закатанные глаза не могут скрыть улыбки на её лице.

— Могу поспорить, что ты так говоришь всем своим девушкам.

— Какие такие мои девушки? — смеюсь я. — Нет, конечно. Хотя Астории я сказал, что она симпатичнее и Дафны, и Флер Делакур.

Гарри заходится в смехе, но старается это сделать почти беззвучно, а вот Гермиона прямо-таки задыхается от моей наглости.

— Ни за что бы не поверила, если бы это был не ты. Но куда же против очевидности — верю. — Она тут же успокаивается, улыбается и качает головой. — Не думаю, что такое стоит говорить.

— Красота субъективна, — голосом стараюсь выразить удивление её непонятливостью. — Гарри и я видим тебя совершенно другими глазами, чем ты сама или большинство остальных. — Со вздохом отворачиваю взгляд. — Я мог бы восхвалить мириады сторон твоей красоты, но это только добавит мне грусти, — быстрее, дурак, не молчи, чтобы не пришлось разбивать оглушительную тишину. — Астория такая лапочка, вот погоди, увидишь поближе. Представь себе Дафну помоложе, с остатками детской припухлости и яркими, почти фиолетовыми глазами вместо льдисто-голубых её сестры.

Глубоко вздохнув, Гермиона прижимает меня одной рукой.

— Ладно, хватит хандрить. Вам двоим, джентльмены, надо учиться танцевать.

В ответ Гарри испускает страдальческий стон.

— Ауч, невезуха, Гарри, — говорю ему шутливо. — Мне вот интересно, кто же второй джентльмен? Ну ладно, я просто тут же сейчас пойду... ой!

— Мы договаривались! — прицеливается в меня Гермиона.

— Гермиона, ты говоришь с парнем, который обещал портрету пожилой леди заняться с ней неупоминаемыми вещами, — резонно замечает Гарри.

— Ерунда. Седина в волосах не мешает оценить достоинства фигуры и платья на ней.

— Какая ты бяка! Признайся, ты выдумал эти тридцать семь шагов?

— Чур меня, — громко выдыхаю я. — Гермиона Джин Грейнджер, а в твоём омуте, оказывается, водятся весьма пикантные черти.

— Забудь, — говорит она, покраснев и опять врезав мне по плечу.

— Тридцать семь шагов к женскому экстазу, — с нарочитыми паузами произношу я, наслаждаясь всей палитрой её румянца. — это всего лишь один из многих секретов Синанжу. Я не выдумал их, — челюсть Гарри с грохотом падает на грудь, а у Гермионы рот изображает рыбу на берегу. — Ведь я читал об этом в фан... тастике, так что выдумал это всё кто-то другой.

Гарри ржёт, а Гермиона со всей силы всаживает мне кулачок в плечо.

— И ты сказал Лаванде, Парвати и Невиллу, что собираешься мне это показать? — взвизгивает она.

— Чёрт побери, Уильям! А я собрался к тебе в ученики попроситься, — смеясь, признаётся Гарри и тоже получает заслуженный шлепок.

— Вам придётся признать, что это хорошая легенда для прикрытия. Хотя, у тех парней, которые ей пользовались, было что-то вроде ауры вейлы в помощь. Развеем сомненья. Гермиона, дай мне свою левую руку, покажу первый шаг.

— Нет! — взвизгивает она и оттягивает руку подальше от меня.

— Не дрейфь, дорогая. Выдумки это. И вообще, я помню только первый и второй шаги. Если мне не изменяет склероз, что-то стоящее начинается не раньше десятого шага.

Протягиваю руку, и она, полыхая румянцем, кладёт в неё левую кисть ладошкой вниз.

— Ладно, только без смешков.

Я с улыбкой переворачиваю ладонь вверх и нахожу пульс.

— Вот это первый шаг, — парой сжатых пальцев начинаю дотрагиваться до запястья синхронно с её пульсом. Когда пульс почти сразу ускоряется, я немедленно выпускаю руку. Вот ведь блин горелый!

— Похоже, доказательство с изъясном.

— Что случилось? — возбуждённо интересуется Гарри.

— Ммм... — мычит всё ещё красная Гермиона.

— Её пульс стал ускоряться. Это то, чего, предположительно, добиваются первым шагом, — я тоже чувствую жар на своём лице. — Давай, Гарри, твой черёд.

— Нет! — пищит Гермиона. — Я имею в виду, что всё, достаточно выдуманных методов соблазнения на сегодня.

— И это мы слышим лично из уст широко известной Коварной Соблазнительницы? Ладно, ты слышал леди, Гарри. Придётся тебе подождать до завтра.

— Это не то, что я...

— Кстати, — прерываю я её, а потом начинаю рисовать знак бесконечности ей на пояснице. — Это вот второй шаг.

Гермиона с визгом подпрыгивает и убегает.

* * *

Последние несколько дней перед рождеством оказываются жутко занятыми: мне нужно завершить второй подарок для Дафны вместе с небольшим презентом Астории. Много времени отнимают поиски в выручай-комнате среди как можно большего количества источников по активации рун и барьерам. К сожалению, профессор Бабблинг больше интересуется языками и смыслами, а профессор Вектор — нумерологией. Других специалистов

нет, и оценить мои достижения некому. По всей видимости, Хогвартс нанимает квалифицированных инструкторов для старших студентов со склонностью к практическому применению своих знаний.

Прорыв (только с моей точки зрения, конечно) в простых рунных камнях случается всего за несколько дней до срока, и я отделяю их своей магией — иначе не успеть. Живот почти постоянно болезненно напряжён, кроме уроков танцев после завтрака с Гарри, Гермионой и Луной. Наглый Невилл просто приходит посмотреть да пару советов выдать: его бабушка заставила учиться ещё летом. Рон непоколебимо окопался на позиции полного отказа: он, мол, всё равно будет танцевать как можно меньше.

Мы все одеваем бальные туфли ради реализма, что закономерно ведёт к обильному потоку извинений с моей стороны, когда я наступаю Гермионе на ноги. Луна, также не привыкшая к формальным танцам, больше заинтересована в общении с Невиллом. Общепринятые танцы не для неё, поскольку она плавает по танцполу как призрак. Но ещё одна девушка в роли партнёра позволяет Гермионе взглянуть на нас со стороны и уменьшить боль в отдаленных пальцах или даже спасти их от переломов.

Завершив последние улучшения в самых ранних узорах, я трачу остаток вечера на аккуратную упаковку и записки получателям. Гарри предлагает просто написать на обёртке имя, как на письме, и положить под ёлку. Ночью домовые эльфы распределяют всё по адресатам. Прикидываю возможность самому раздать подарки, но тут же отказываюсь прежде всего из-за сложностей одиночного посещения подземелий Слизерина. Впрочем, после инцидента с Дафной я её не видел из-за сильной занятости. К тому же большинство слизеринцев — народ вполне обеспеченный, и мне было слегка стыдно за примитивность своих подарков. Послав их с эльфами, я избавлю моих адресатов от неловкой необходимости притворяться, что им нравится. Хотелось бы, конечно, взглянуть на выражение лица Луны. У неё не слишком много друзей в Равенкло, и надеюсь, что хоть один из трёх подарков ей по-настоящему угодит и поднимет настроение. К счастью, я точно увижу, как получают подарки мои гриффиндорцы.

Вся эта суета будит во мне воспоминания детства, и я долго ворочаюсь от бессонницы. Вот только мысли отличаются от тогдашних. Возбуждение от догадок, что подарят мне, превратилось в гремучую смесь дрожи тела и трепета души в ожидании, что друзья скажут о моей работе. Эти искры пробудили воспоминания о праздниках в прошлой жизни, затерявшейся где-то в мешанине пространств и времён.

Ещё не понимаю, где я и кто я, но кто-то трясёт и будит меня.

— ...ай, просыпайся! Зачем спать утром рождества? — спрашивает девушка бодрим и щебечущим голосом, болезненно резонирующим в голове.

— Мм, ещё чуток, детка, давай назад в постель, — говорю из нокдауна сна, хватаю её за талию и заваливаю к себе, крепко прижав. Её писк, влетев в одно ухо и, практически не взаимодействуя с моим одурманенным сном мозгом, вылетает из другого из-за восхитительного аромата накрывших моё лицо волос и тепла её спины, прижатой к моей груди. Выдернув одеяло из-под неё и накрыв им нас обоих, прижимаю её к себе ещё плотнее. Запах и

тепло чужого тела играют симфонию наслаждения на струнах души, и удовлетворённое урчание из горла завершает гармонию. Тело рядом со мной дрожит, поэтому я прижимаюсь плотнее.

— Уильям, — едва шепчет она.

Где-то в затылке зарождается удивление — кто такой Уильям? Но мурчание от этого не прерывается.

— Пожалуйста...

— Хм? — Одурающая пелена сна сползает с глаз. Привычный вид, кровати с балдахинами. Вот только кудрявые каштановые волосы мешают их разглядеть чётко. — Х...рмиона?

— Можешь... можешь отпустить меня сейчас?

Количество наблюдений со скоростью молнии превращается в качество осознания. Во-первых, я постели в одних трусах. Во-вторых, я очень плотно прижимаюсь к Гермione. Третье, моя правая рука на приятном и мягком, но недопустимом месте. И последнее по счёту, но не по значимости. Сейчас утро, влекущее за собой все прелести непреднамеренной утренней физиологии.

— Ох! — я резко убираю руку, скидывая с неё одеяло, чтобы она могла покинуть кровать. — Гермione, я дико извиняюсь! — Господи! Пусть она ощутит моё раскаяние!

К сожалению, сердце не успокаивается, когда она стремглав соскакивает с моей кровати и быстренько шмыгает в дверь, не сказав ни слова и не оглянувшись.

Пробую вытереть остатки сна из глаз.

— Дело дрянь. — Смотрю вокруг. Похоже, кроме Гарри и меня, никого не осталось. Я бросаю в него подушкой. — Гарри. — Он что-то бормочет в ответ. — Гарри. Я тут, кажись, облажался.

— Чо? — он быстро садится и старается заработать косоглазие в попытке охватить всю комнату взглядом. Убедившись, что никакой немедленной опасности не грозит, он одной рукой трёт глаза, а другой нащупывает очки. Надевает, а потом оглядывается ещё раз. — Что случилось?

— Ну, в-общем, Гермione пришла будить нас, а я спросонья затащил её под одеяло рядом с собой и прижался к ней.

— Правильно сделал, — попытка сонной усмешки переходит в долгий зевок. В чём я тут же составляю ему компанию.

— Не уверен. Она вылетела из комнаты сразу же, как я очнулся и отпустил её. — От смущения я сжимаю себе лицо. — Я прижимал её к себе рукой, которая была у неё на груди. И, вот тут... это же утро!

Он передёргивается от сопереживания моему замешательству.

— Чёрт побери!

— Во-во!

— Но ты везучий сукин сын, — бормочет он, опять зевая.

— Угу, — не удерживаюсь от гримасы, потому что ощущаю себя кем угодно, только не упомянутым. — Как думаешь, будет злиться?

— Фиг знает, — чешет он в затылке. — Она вроде не обиделась, когда я проснулся на её груди, как на подушке.

— Так у тебя всё было во сне. А ещё ты не тыкался нижними частями тела в её нижние места, — обращаю его внимание на различия в ситуациях.

— Кто знает, может и разозлится, — морщится он в ответ.

— Вот блин!

— Везучий ты сукин сын!

* * *

Мне плохо от нарочитого игнорирования Гермионой моего появления в гостиной.

— Я прошу у тебя прощения, Гермиона. Мы можем поговорить?

Оставляю достаточно места между нами на диване, стоящем довольно далеко от ёлки, вокруг которой сейчас толпятся почти все гриффиндорцы. Молчание Гермионы я решаю принять за знак согласия: мол давай, разговаривай.

— Я был сбит с толку и обознался, где я нахожусь. Я думал ты... Я не знал... — Я не знаю, как объяснить и не назвать имени той, за кого я её принял. Ни к чему, кроме как к неловкости, это не приведёт. — Прости, — тихо повторяю ещё раз.

Она молчит.

— Я тебе сделал больно?

Отрицательно мотает головой.

— Я тебе не верю, — говорю надтреснутым голосом. — Я... Мне бы хотелось оставить оставить решение за тобой, но я знаю... Прости меня.

Пробую встать и скрыться на весь день в своей спальне, но Гермиона хватает меня за руку и усаживает поближе к себе. Я гляжу на неё, и её слёзы, как кислота, прожигают дыры в сердце. Хочется, вывернуть себя наизнанку, чтобы потом промыть от собственной гадости все внутренности.

— Тебе нечего стыдиться.

— Но я...

— Нет, — обрывает она, — ты не не сделал мне больно. По крайней мере так, как ты подумал.

Ничего не понимаю.

— Когда ты... держал меня так... когда... эти твои звуки... чувствовалось... — она замолкает и её тело содрогается от плача. — Я не хотела... — Закрыв глаза, она резко мотает головой, явно желая очнуться от замешательства. — Мне просто вспомнилась та ночь. Та ужасная ночь, когда Гарри вернулся. Худшая ночь в моей жизни.

Я не знаю, что ей сказать и что мне делать. Хочется обнять, но вдруг от этого станет гораздо хуже. Она решает за меня, и её голова падает мне на плечо.

— В твоём урчании было такое счастье, Уильям. Я хочу, чтобы тебе... и Гарри...

Я погружаю пальцы в её волосы, слегка поглаживая кожу головы.

— Думаю, я понимаю, Гермиона, — во рту пересохло, а сердце готово вырваться из груди. — Знаешь, в чём весь смысл, да? — Она отрицательно качает головой. — Весь смысл в Гарри. Больно признавать, Гермиона, но когда мы протащим его сквозь всю эту катавасию, он умрёт в

глубокой старости гораздо позже, чем через целый век. А то и через пару веков. А я... ну ты же слышала Добби — совсем не колдун. Даже если я просто не исчезну внезапно, как это у меня уже случилось — и это очень вероятно — я совершенно точно не доживу до двадцать второго века. Здесь, у вас я — незваный гость. По большому счёту меня тут быть не должно. И сверх всего прочего — я всё ещё храню тайны от тебя.

Она шмыгает носом.

— Ты точно не обязан отговаривать меня от желания быть с тобой.

— Ты же несколько раз уже отмечала — я мазохист. Когда я тебя держал, ощущения были... изумительные. Хотелось бы... — вздыхаю, не желая озвучивать окончание этой мысли. Тут же лицу становится горячо. — Хм, я извиняюсь за то, что рукой... и что... напирал на тебя. — Она тоже покрывается румянцем.

— Забудь. Ты ещё спал, поэтому оставляю-ка я всё как есть. — Она садится прямо, чтобы окончательно прийти в себя. — Объяснились, и хватит. Пошли подарки открывать.

Я вздыхаю с облегчением.

— Спасибо! Затаскивая тебя под одеяло в следующий раз, постараюсь быть в полном сознании и... ой!

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1360819>